

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЗАПАДНАЯ
АРМЕНИЯ
В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ДЖ. КИРАКОСЯН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЕРЕВАН 1971

1915 года—3,5 миллион, осенью 1916 г.—28 миллионов, в начале 1917 г.—32 миллиона и в октябре—ещё 50 миллионов турецких лир, не считая иной помощи, достигавшей суммы около 70 миллионов лир⁶.

Эта помощь позволяла Турции продолжать войну, осуществлять внутри страны погромный курс. Турецкие правители использовали помощь Германии для того, чтобы сделать свою традиционную политику более организованной и всеобъемлющей. Редактор французской газеты «Ла Ревью» Жан Фино отмечал, что «Германия, не сумев осуществить свои цели в Малой Азии посредством живых армян, решила попросту пройти через их трупы и руины жилищ»⁷.

До начала массовой депортации и резни Энвер и Таллат советовались с германским послом Вангенгеймом, держали его в курсе своих планов. Последний одобрил эту чудовищную программу⁸, подготовил в этом духе и отдал соответствующие распоряжения германским консулам в Эрзеруме, Адане, Алеппо, Мосуле и Багдаде. 31 мая 1915 г. Вангенгейм повторил турецкую версию об угрозе восстания армян в Османской империи. А морской атташе германского посольства Хюман, который был ближайшим агентом Вильгельма II, открыто заявлял, что «турки совершенно правильно поступают с армянами»⁹.

Получив согласие старшего союзника, турецкие погромщики стали смелее. В конце мая 1915 г. нигде не было никакого восстания; Ван уже был в руках русских войск, но турки перешли к делу по всей стране. Когда они в Камахском ущелье устроили 10—14 июня бойню женщин и детей, сожгли Муш, уничтожили эрзерумцев и битлисцев, германский посол посылал в

Берлин сообщения «о военных соображениях». А когда волна резни захлестнула Трапезунд, Себастию, Харберд и другие местности, где не могло быть никаких военных соображений, на этот раз посол ограничился разговорами об ошибках «местных властей». Свой первый официальный меморандум Германия предъявила турецкому правительству 4 июля 1915 года, т. е. спустя ровно три месяца после ванских событий и спустя месяц после резни в Муше, Эрзеруме, Трапезунде и других районах. Уже одно это свидетельствует о формальном характере этого меморандума. Германия была вынуждена пойти на такой шаг, поскольку другие державы уже представили свои протесты, и некоторое отмежевание от турецких зверств имело необходимое дипломатическое и политическое значение—хотя бы для истории. Однако само содержание документа сводит на-нет дипломатическую форму этого фарисейства, представленного в качестве протеста. Во-первых, в нем вновь упоминается турецкая официальная ложь относительно «законных оборонных мер», шагов, «продиктованных военными причинами», выражается согласие с турецкой точкой зрения о том, что массовая резня армянского народа является «внутренним вопросом», которая была изложена в ответе турецкого правительства от 6 июня на заявление правительств Англии, Франции и России. Только во второй части ноты германское правительство выражало некоторое недовольство по адресу местных турецких властей, которые не предотвратили эксцессы. Конечно, не это было главным, поскольку Германия считала «законной обороной» геноцид целого народа, становилась на защиту клики убийц Энвер-Талаат. «Теперь понятно,—пишет А. Ташян,—почему турки не придали какого-либо значения этому и всем последующим протестам, которые представили следующие послы...»¹⁰.

Весьма характерный разговор имел место между Талаатом и прибывшим во время войны в Константинополь Лепсиусом. Когда последний затронул вопрос о том, что надо пощадить жизнь сотен тысяч армян, находящихся в пустынях Месопотамии, Талаат в оправдание совершенного ими преступления прямо сказал Лепсиусу: «Что вы (т. е. германские руководители) говорите, то мы и выполняем»¹¹.

Воистину, это было правдой. На пути выполнения своих экспансионистских планов германский милитаризм не останавливался ни перед какими средствами. Он сыграл существенную роль в толкании Турции на путь истребления армянского народа. В докладной, представленной накануне войны Министерству иностранных дел царской России и содержащей всесторонний анализ целей, преследовавшихся Германией в Турции и на всем Ближнем Востоке, говорилось о том, что «Германия даже не остановится перед тем, чтобы разрешить туркам организовать в Анатолии (но не в Киликии) резню армян...», что Германия заселит армянами, «этим трудолюбивым и ценным культурным элементом Месопотамию и тем самым будет содействовать осуществлению своих политических и экономических задач в Турции»¹².

В конечном счете идея лишить армян их вековых, исконных земель и переселить их в пустыни, как было показано выше, впервые была подсказана германскими политиками—в лице Фон дер Гольца, Фон Сандерса, Рорбаха, Наумана и других. Они не скрывали, что армяне являются препятствием «на пути их военных целей»¹³.

Германская антиармянская позиция исходила прежде всего из политических и военных интересов Германии.

Подстрекательства германских милитаристов накануне войны, стремившихся настроить армян против России, не достигли своей цели; с самого начала войны армянский народ проявил свои симпатии к России, связал свою судьбу с победой ее оружия. Многочисленные заявления русских государственных деятелей в пользу армян, организация добровольческого движения не оставляли шансов для успеха германской политики в какой-то мере опереться на армян. Ведя ожесточенную борьбу с Россией на море и на суше, в Европе и в Азии, Германия с завистью наблюдала за преданностью армян русским, уже считала армянское население восточных вилайетов Турции тем препятствием, которое будет мешать осуществлению совместных германо-турецких планов, будет содействовать новым победам русской политики. Стремление лишить Россию этого фактора и легло в основу германского плана депортации армян.

Массовое переселение западных армян в пустынные местности во всех случаях означало гибель народа,—если бы даже не применялись столь в массовом порядке ятаган, турецкие традиционные методы убийства и уничтожения. В условиях войны, бездорожья Турции, отсутствия транспортных средств, в момент, когда эта страна стояла перед тупиком, естественно, что даже при желании было невозможно осуществить «организованную» депортацию. Германский метод был дополнен традиционными средневековыми турецкими погромными действиями. Ужасные жестокости немцев в отношении мирного населения Польши, Бельгии и других стран служили отличным примером для турецкой бюрократии, обладавшей многовековым опытом в этой области, воодушевляли ее идти по такому же пути. В свою очередь германские милитаристы считали турецких погромщиков своими верными подручными и единомышленниками.

Немаловажную роль в подобной позиции Германии сыграл вопрос необходимости обеспечить экономичес-

кую экспансию германских монополий на Ближний Восток. Если задолго до войны государственные деятели Германии были не прочь опереться на армян, использовать их в области сооружения Багдадской железной дороги и развития экономической жизни в пустынных условиях, то теперь они руководствовались стремлением устранить конкуренцию армянской торговой буржуазии, связанной преимущественно с английским и французским капиталом, установить полное господство Германии. Этим путем германские империалисты нанесли бы прежде всего удар по основам английского, французского и, в частности, русского воздействия в Турции—как в культурно-образовательной, так и экономической областях. Проживавшие в Турции армяне,—отмечал Герберт Адамс Гиббонс,—«получившие большей частью образование во французских и американских школах, говорили по-французски и по-английски. Вследствие своих торговых отношений с Западной Европой и Америкой, и, главным образом, с Англией, они естественно стали конкурентами германских комивояжеров. Будучи единственным торговым и земледельческим элементом во внутренних областях Малой Азии, а следовательно и единственным элементом, который мог противиться европейской колонизации, армяне сильно мешали планам немцев в Анатолии»¹⁴.

Вот почему германские империалисты согласились с мероприятиями, планируемыми против западных армян турецкими правящими кругами, согласились с депортацией и резней западных армян. Германские милитаристские хищники были полностью согласны с подобным решением вопроса. Это не только не противоречило их военным, политическим и экономическим планам, но и соответствовало преследуемым Германией целям.

Вот почему кайзер Вильгельм II наградил Талаата орденом Черного орла. В своей речи по случаю первой

